

'Я - неудачник. Полный, тотальный неудачник-герой. Я даже не имею права называть себя таковым'.

Такие мысли терзали меня, когда я рухнул на землю, похоронив ворону Айлин, моего второго дорогого наставника.

'Прости, дедушка, мне очень жаль'.

Прося прощения снова и снова, я пытался сформировать в голове образ деда, но, как всегда, перед глазами возникал лишь общий силуэт человека. Ни лица, ни глаз, ни цвета кожи, ни волос, ни одежды, ничего. Только силуэт.

Полежав немного на земле и посмотрев на огромную красную луну, застилавшую небо, я поднялся на ноги и посмотрел на могилы, в которых покоились мои товарищи.

'По крайней мере, они освободились из этого забытого богом места'.

Пока я смотрел на надгробия, которые я сделал для своих погибших друзей, в моем сознании всплыло одно имя.

'Гилберт... Я должен похоронить Гилберта'.

Гилберт был первым человеком, с которым я столкнулся в Центральном Ярнам и который не назвал меня выродком и не пожелал мне смерти. Более того, он дал мне утешение и успокоение, в которых я отчаянно нуждался. То, что я забыл о Гилберте, вывело меня из себя.

В наказание я ударился головой о стену, пока не потерял сознание, и кровь потекла по лицу, затуманивая зрение. Потерпев несколько мгновений, в моей руке из воздуха материализовался пузырек с кровью, и я впрыснул его себе в шею. Ноющая головная боль исчезла, а открытая рана на лбу затянулась. После этого я сразу же отправился обратно в центральный Ярнам, уничтожая всех зверей на своем пути. Гилберт заслуживал того, чтобы его похоронили как следует, а не съели голодные звери.

Дойдя до лестницы, которая привела бы меня к окну Гилберта, я замер. Окно было разбито, решетки, защищавшие окно, валялись на земле, а из окна, ведущего в комнату Гилберта, слышалось рычание.

Неужели, пока меня не было, к нему в комнату через окно забрался зверь?

Меня охватила ярость. Гилберт заслуживал спокойной смерти, а не того, чтобы его разорвал на части и сожрал зверь. Все остальные мысли отпали, и мне хотелось только одного - вырезать зверю селезенку.

Поднявшись по ступенькам и заглянув в окно, я увидел зверя, который стоял лицом к окну. Не успел я выпрыгнуть в окно, чтобы вырезать зверю селезенку, как он обернулся, и я замер на месте.

На шее зверя было ожерелье с сердцем, на котором было выгравировано имя "Элеонора" - имя покойной жены Гилберта. Это было его ожерелье. Я соединил все детали в одно, и печаль пронзила меня до глубины души.

Когда на небе всходила Красная Луна, все люди, сохранившие рассудок, либо сходили с ума, либо превращались в зверей. Гилберт стал жертвой последнего.

— О, Гилберт...

"Гилберт" прыгнул на меня, желая полакомиться моей плотью, и я откатился в сторону. Я отступил назад, чтобы избежать удара его острых как бритва когтей.

Почему... Почему это должно было случиться с Гилбертом? Он этого не заслужил.

Я должен дать ему быструю, безболезненную смерть. Это меньшее, что я мог сделать для того, кто отнесся к такому недостойному человеку, как я, с добротой.

Когда он снова бросился на меня, я пригнулся и, когда его голова оказалась прямо надо мной, я направил свой Клинок Милосердия вверх, пронзив подбородок и вогнав лезвие в мозг. Я осторожно извлек клинок и взял его тело в руки. Я осторожно провел пальцами по его глазам, закрывая их.

Поднявшись, я встал с его телом на руках и стал пробираться к кладбищу у часовни Идон, вспоминая свою последнюю встречу с Гилбертом.

— Ты точно уверен, что я ничего не должен сделать? Например, принести тебе еще одеяла или подушки?

Я сидел в кресле рядом с тем местом, которое, как я думал, должно было стать смертным одром Гилберта. Он покачал головой и ответил слабым хрупким голосом.

— Ах, не стоит беспокоиться обо мне. Боюсь, что сейчас я мало чем могу помочь. Но прежде чем я, хм... Возьми это.

Гилберт потянулся к чему-то под кроватью и достал, похоже, оружие. Это была громоздкая канистра, к которой была прикреплена длинная трубка с насадкой на конце.

— Это называется огнемёт.

Гилберт неуверенно протянул мне оружие. Как следовало из названия, оно расплывало огонь, источником которого служили серебряные пули - те самые, которые он использовал для своего огнестрельного оружия. Даже после всего того времени, что я провел в Центральном Ярнамe и Соборном приходе, я так и не понял, как эти зыбучие пули могут питать огнемёт.

Я покачал головой и протянул руки, отказываясь взять предложенное оружие.

— Нет, господин Гилберт, я не могу отнять у вас единственное оружие. Что будет, если к вам в окно ворвется зверь, а у вас не будет оружия? Вас разорвут на куски!

На лице Гилберта появилась небольшая улыбка, и он продолжил протягивать мне оружие.

— Мне оно не пригодилось, но, возможно, пригодится тебе. Пожалуйста, возьми его. Оно довольно тяжелое, а мои руки уже не так сильны, как раньше.

Я заметил, что его руки дрожали, когда он протягивал мне оружие. Я нерешительно взял огнемёт из его рук, и он облегченно вздохнул. Затем он посмотрел на массивные строения, стоявшие за Великим мостом.

— Болезнь, которая меня поразило, неизлечима, но этот город дал мне надежду... Их странная кровь дала мне время. Мне очень повезло. Не пострадав от чумы зверей, я даже могу умереть человеком.

'Наверное, это хорошо'. В такой дыре, как эта, нужно радоваться мелочам. Даже если это что-то такое нелепое, как смерть.

— Ты уверен, что я больше ничем не могу тебе помочь?

— Не стоит, охотник, ты сделал все, что мог.

Я нерешительно кивнул головой и направился к окну. Выбравшись из окна, я в последний раз посмотрел на Гилберта.

— Прощай, Гилберт... Спасибо за все.

— Не стоит благодарить меня, добрый охотник. Я молюсь, чтобы ты нашел то, что ищешь.

Я закрыл окно и продолжил свою охоту.

Этот кошмар действительно неумолим. Гилберт даже не смог умереть как человек.

<http://tl.rulate.ru/book/100002/3413498>